

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут

Все оттенки желаний

Привилегия женщин

Тайны взрослых девочек

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит

Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел

Не верь, не бойся, отпусти

Соблазны Снежной королевы

Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха

Дочь мафии

Жена самурая

Последнее японское предупреждение

Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне

Нежная стерва, или Исход великой любви

Первая леди города, или Между двух берегов

Госпожа страсти, или В аду развод не принят

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

Королева мести, или Уйти навсегда

Роскошная хищница, или Сожженные мосты

Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски

Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы

Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

Визит с того света, или Деньги решают не все

Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров

Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии

Марго, или Люблю-ненавижу

Алекс, или Девушки любят негодяев

Дар великой любви, или Я не умею прощать

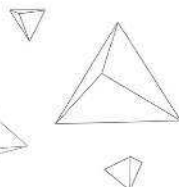
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

Требуется влюбленное сердце

Время злых чудес

Разбитое сердце так просто не склеить...

МАРИША КРАМЕР

Я НЕ АНГЕЛ

Москва

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серийного оформления *С. Прохоровой*

Крамер, Марина.

К77 Я не ангел : [роман] / Марина Крамер. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-093373-0

Можно сказать, что жизнь у Варвары Жигульской удалась, у нее есть все, чего можно пожелать: красота, талант, карьера успешного адвоката и любящий терпеливый муж. Вот только нет самого главного: Варвара просто не способна никого любить. Ее сердце еще в далекие студенческие годы было разбито и растоптано красавцем Кириллом Мельниковым. И вот через много лет Кирилл снова как ни в чем не бывало появляется в жизни Варвары, но уже не один, а со множеством криминальных проблем. Его феерическое возвращение связано с делом очередной клиентки адвоката Жигульской — Анастасии Потемкиной, владелицы крупного состояния, которую преследуют недоброжелатели. Охота началась и за Варварой. Полномасштабный обыск в кабинете, слежка и посылки с отрубленными человеческими пальцами — вот новые реалии ее личной и профессиональной жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093373-0

© Крамер М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Адвокат — что маляр:
и из белого черное сделает.

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

МАРИНА КРАМЕР

— **О**ткуда у тебя такая уверенность, что именно адвокат в курсе? Я ведь так, наобум ляпнул. Не люблю вообще-то с ней пересекаться.

— Путем нехитрых вычислений, шантажа и подкупа можно узнать многое.

— Многое! Многое! Ты узнал всякую малозначительную чушь, которую я знаю и без тебя, а вот главное — где вдова? — ты так и не смог выяснить. А без нее...

— Ну подождите. Не все сразу! Я уверен, что именно адвокат причастна к ее исчезновению, просто некому больше.

— То есть тебя обвела вокруг пальца баба? Отлично! Ты сейчас расписался в своей полной непригодности и несостоятельности.

— Бабы разные бывают. А эта — просто шука, не зря же у нее прозвище такое. Дайте мне еще немного времени, и я узнаю все, что вас интересует.

— Нет у меня этого времени. Бумаги нужны еще вчера.

— Нужны — значит, будут.

Глава 1

ДЕВУШКА ИЗ ПРИЛИЧНОЙ СЕМЬИ

На побегах тыквы баклажаны не вырастут.

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Москва. Наше время

Родители — такие шутники! Выбирают нам имена в соответствии с собственным претенциозным вкусом, а ребенку потом всю жизнь мучиться. Папа мой, видимо, был из этой породы, иначе к чему было называть девочку в семидесятые годы Варварой? Можете себе представить, каково мне было во всех этих садиках-школах-пионерлагерях? Какими только прозвищами не награждали меня «добрые» ровесники... А уж бабушка Чуковский со своим «и была у него злая сестра по имени Варвара» — так вообще... Не зря я терпеть не могла сказку о докторе Айболите. Сейчас, конечно, имя уже не звучит столь забавно, скорее модно, а в сочетании с отчеством — даже солидно. Варвара Валерьевна Жигульская — по-моему, совсем даже неплохо. А если учесть занимаемый мною пост, довольно молодой для него по нынешним меркам возраст и вполне экстравагантную внешность, то можно считать, что имя никак мне в жизни не подгадило. Хотя, каюсь, в шестнадцать, когда получала паспорт, очень хотела сменить его на что-то более простое — Наталью, Елену или Анну например. Хорошо, что не сменила, может, все в жизни иначе сложилось бы.

Почему именно сегодня меня вдруг потянуло на раздумья об этом? Я стою у окна своего кабинета, вижу Кремль и окрестности, через час — обед в «Пушкине» с потенци-

Я не ангел

альным компаньоном, на банковском счете сумма с неприличным количеством нулей. А вечером — балет в Большом в компании весьма влиятельного человека из правительства, и вдруг я об имени задумалась. Какая, в сущности, разница... Папа умер три года назад, мама укатила в Швецию с одним из своих многочисленных любовников — ну что с нее взять, прима, всю жизнь в театре. А я осталась здесь, в Москве, хотя вполне могла позволить себе жить за границей. Но мне это не нужно, я и здесь живу так, как хочу.

Папа до последней минуты сокрушался, что у него нет внуков, а единственная дочь, хоть и замужем, никак не способствует решению этого вопроса. Но я определилась еще в юности — детей не хочу. Трудно сказать, что повлияло на мое решение, но даже мужу, моему мягкому, домашнему, тихому Светику, пришлось смириться. Впрочем, он никогда не мог мне возразить, наверное, поэтому мы с ним почти двадцать лет вместе.

Светик, он же Святослав Георгиевич Лемешинский, довольно известный композитор и дирижер, часто отсутствует в России, и в этом, возможно, кроется еще одна причина долголетия нашего брака. Я не лезу в его дела, он не сует нос в мои — существуем параллельно. Любви, конечно, никакой давно нет, скорее привычка, да я вообще сомневаюсь, была ли она у нас когда-то, любовь эта самая. Хотя... У Светика точно была, он любил меня по-щенячьи, таскался хвостом, прохода не давал, по мере возможности старался встретить из университета, всегда с цветами, в любую погоду. Однорукники завидовали: Светик был взрослый — старше на пять лет, — высокий, красивый, модно одетый, всегда благоухал дорогим одеколоном, галантно подавал руку, помогал сойти с крыльца. И автомобиль у него имелся — завидная по тем временам «девятка» цвета «мокрый асфальт». Но я была к нему не то что равнодушна... скорее,

МАРИНА КРАМЕР

он был мне просто безразличен. Да, самолюбию льстили эти ухаживания, преданность, но не больше. Подруга моя ближайшая, Аннушка, только плечами пожимала, глядя на безуспешные попытки Светика:

— Не понимаю я тебя, Варька. Ну чего тебе еще-то надо? Такой парень... Не чета остальным, ты вокруг-то оглянись — одно быдлице совковое! Треники — коленки пузырем, цепь в три пальца, как на сливном бачке, а уж как рот откроют — ну все, хоть караул кричи. А тут — и красивый, и высокий, и одет с иголки, и говорит как по писаному.

— И что мне с того? — спрашивала я, приканчивая порцию мороженого в кооперативном кафе, куда мы с Аннушкой непременно заходили после занятий, если вдруг по какой-то причине Светик не появлялся у здания юридического факультета.

— Как — что?! — возмущенно спрашивала подруга. — Как это — что?! Да он же талантливый, как Менухин!

— Менухин — скрипач, а Светик — дирижер.

— Варя, какая разница?! — негодовала Аннушка, забывая даже о тающем в креманке мороженом.

Я делала вид, что разговор перестал меня интересовать, и подруга умолкала обиженно.

Аннушка была из семьи дипломата, папаша ее практически все время отсутствовал, а мать бывала в России наездами. Аннушку воспитывала бабушка — вдова крупного партийного чиновника, дама сановная до невозможности. Я любила бывать у них в квартире на Патриках — настоящем «барском» доме с домработницей, традиционными «средами», когда по вечерам собираются гости и говорят о запретном вслух. И Аннушкина бабушка мне нравилась, чем-то напоминала мою. У нас в доме тоже все было заведено не «по-советски», мамина мать, Тамара Борисовна, профессор консерватории, относилась к власти немного

Я не ангел

свысока, но ей это прощалось — была она в свое время «подругой» кого-то в Кремле, и это имя в нашей семье даже не произносилось — ну, береженого бог бережет, как известно. Дедушка, генерал, к моменту моего рождения уже умер, однако привилегии сохранились. Жили мы всегда хорошо, я училась в английской спецшколе (что не мешало моим одноклассникам из приличных семей вести себя точно так же, как и их собратья-пролетарии), продукты из спецраспределителя, одежда «по благу» в спецотделе ГУМа. Нормальная такая «совковая» элита. Меня всегда баловали, одевали, покупали дорогие игрушки, прекрасных немецких кукол с «настоящими» волосами, уложенными в сеточку, в диковинных платьях и костюмах на настоящих кнопочках, с закрывающимися глазами, обрамленными пушистыми, почти натуральными ресницами. В моей детской даже был специальный «жилой» уголок, обставленный игрушечной мебелью, где мы с Аннушкой проводили много времени, играя «в дом». Мы были равны по происхождению, никогда и ни в чем друг другу не завидовали, а потому дружба наша не подвергалась никаким серьезным испытаниям. Даже факультет мы выбрали один — юридический, хотя у Аннушки был шикарный голос, и моя бабушка настаивала, чтобы та непременно поступала в консерваторию. Однако Аннушка уперлась — мечтала о карьере прокурора. Так мы оказались в МГУ на юрфаке, куда, к собственному глубокому изумлению, я поступила с большим трудом. Как говорят, наши связи оказались недостаточно весомыми. Я горевала до самого зачисления, мне казалось, что жизнь закончилась, но бабушка нашла-таки кого-то в ректорате, и меня зачислили. Произошедшее здорово обозлило меня — я не была глупой, в аттестате красовались три четверки по малозначительным дисциплинам, да и к экзаменам я готовилась как одержимая, ухитрившись

МАРИНА КРАМЕР

однажды солнечным днем обгореть на даче за учебником так, что кожа сошла даже с подошв. Папа, помню, хохотал:

— Варька, ты это... зад береги, как сидеть-то будешь?

Училась я хорошо, хотя уже на первом курсе поняла, что в юриспруденции, а особенно в московской, все решают связи — и только они. Нет у тебя родных-знакомых, так будь ты хоть семи пядей во лбу, а так и останешься прозябать в районной юридической консультации, раздавая советы бабулькам. У нас в семье юристы, к счастью, были. Мой дядя, брат отца, дядя Витя, был довольно известным адвокатом, к нему обращались в случае необходимости довольно высокопоставленные люди. В связи с этим возникает резонный вопрос: а почему дядюшка с такими связями не помог мне при поступлении? Вот так — не помог. Они с мамой всю жизнь что-то делили и в момент моего поступления как раз находились в очередной крупной ссоре, потому даже бабушка не посмела к нему обратиться. В моменты же перемирия дядя Витя охотно приезжал в наш дом, всех любил, обожал и окружал вниманием. Я не понимала этих сложных отношений до тех пор, пока не выросла и не окунулась во все семейные тайны. Во время же студенчества я очень рассчитывала на то, что к моменту получения диплома мама с дядей не разругаются в очередной раз и я смогу устроиться к нему хотя бы на первое время.

Аннушке было проще; в ее семье не существовало таких заковыристых взаимоотношений, она — единственный ребенок у родителей и двух незамужних теток, ее с детства носили на руках и совали все в рот с трех как минимум ложек. Папа-дипломат уж точно заранее позаботился о том, куда пристроить дочурку с дипломом юриста. Однако Аннушка с упорством бульдозера собиралась в прокуратуру, чем приводила в ужас бабушку и тетушек с маменькой

Я не ангел

заодно. Отношение к происходившему папы-дипломата до поры оставалось неизвестным — он был в очередной командировке.

— Ну ты даешь, Анька, — всякий раз смеялась я, когда слышала подружкины пламенные речи на тему правосудия и законности, — такое впечатление, что ты в Москву с рыбным обозом пришла, образование выгрызла с кровью, а не родилась в Первопрестольной с золотой ложкой во рту. Рассуждаешь как настоящий пролетарий. Слышала бы тебя твоя бабушка!

— А она слышала, — безмятежно улыбалась Аннушка, тербя кончик прекрасной длинной косы льняного цвета, — и с корвалолом потом демонстративно расхаживала.

Мы хохотали еще сильнее. Так уж повелось, что в наших семьях именно бабушки играли первую скрипку. Ее Алевтина Петровна и моя Тамара Борисовна во многом были очень схожи, как, впрочем, практически все жены партаппаратчиков за редким исключением. Каждое лето они непременно ездили на юг, в санаторий, а два месяца проводили на даче, одна — в Серебряном Бору, другая — моя — в Загорянке. Я терпеть не могла дачу, старалась бывать там как можно реже, зато Аннушка честно «отбывала» срок рядом с бабушкой. Я изредка навещала подругу, и тогда приходилось окунуться в варку варенья, заготовку огурцов и капусты и прочих домашних солений, в изготовлении которых Алевтина Петровна была мастерица. Я помню пенки с малинового варенья, в которые мы с Аннушкой макали горбушки белого хлеба, кружащих вокруг пчел, одна из которых однажды укусила Аннушку под глаз, и бедная моя подруга больше недели вынужденно носила темные очки, закрывавшие половину лица с опухшим глазом. А чего стоило варенье из крыжовника, рецепт которого Алевтина Петровна каким-то непостижи-

МАРИНА КРАМЕР

мым образом узнала у самой Виктории Брежневой, жены бывшего генсека... Воистину, тот, кто считал этих женщин бездельницами, никогда не пробовал сварить такое варенье. Каждую ягоду крыжовника нужно было при помощи шпильки очистить от семян, потом в каждую же вложить кусочек грецкого ореха, потом аккуратно, чтоб не развалилась сложная конструкция, сварить в большом медном тазу, разложить в банки рядками, залить сиропом... Это же адский труд, скажу я вам! Мы с Аннушкой не в состоянии были посвятить кропотливому занятию даже полчаса — начинала ныть спина, болели пальцы, а Алевтина Петровна только посмеивалась:

— Эх вы, белоручки! Разве же это труд?

Не знаю, как Аннушка, а я лично на всю жизнь приобрела стойкое отвращение к любому виду кулинарной деятельности.

Дача Вяземских в Серебряном Бору притягивала меня куда больше собственной еде и потому, что тут собирались компании молодежи, в которых мы с Аннушкой занимали достаточно видное место. За ней активно увивался довольно мерзкий типчик по имени Веня, сын какого-то военного, но Аннушка не обращала внимания. Я же всегда держалась с неким высокомерием, отстраненно, и это, разумеется, действовало на парней притягивающе — закон обратной связи. Мне на самом деле никто не нравился, просто приятно было проводить время в компании остроумных, начитанных и интересных людей. Наверное, они не были бы столь блестящими, если бы им приходилось думать о завтрашнем дне и искать свое место в жизни. Им все досталось при рождении, это были мальчики из хороших обеспеченных семей, их будущее было ясным и светлым, перспективы — отличными, а вся жизнь обещала стать сплошным праздником. Детки из золотой клетки,

Я не ангел

так сказать. Это, разумеется, накладывало определенный отпечаток — некая пресыщенность, вальяжность, расслабленность. Скажу честно, иной раз становилось скучно...

Москва. Начало девяностых

Первый курс юрфака показался мне настоящим адом. Ничего общего со школой, другие правила, другие объемы информации, совершенно иные нагрузки. Весь первый семестр я боролась со страшным напряжением, внезапно охватившим меня. Я ничего не успевала, почти никуда не ходила, постоянно торчала в библиотеке за учебниками и конспектами, не поднимая головы готовилась к семинарам. Ни о какой личной жизни речи даже не шло — на нее просто не было времени. Я возвращалась домой разбитая, сразу падала в постель и проваливалась в сон, а утром едва успевала к началу занятий. Не знаю, как Аннушка, а я проклинала день и час, когда решила поступать в МГУ. Учиться оказалось тяжело, и я искренне не понимала, каким образом мои одноклассники ухитряются еще и вечеринки закатывать по субботам. Я ждала выходных, чтобы иметь возможность спать столько, сколько хочется, и не прикасаться к тетрадям и учебникам. В понедельник все начиналось сначала — зубрежка, библиотека, кучи книг. Я похудела, «спала с лица», как говорила бабушка.

— Еще немного, и ты не сможешь встать с кровати, — говорила она, заваривая мне вечером в большом китайском термосе шиповник. — Никогда не подумала бы, что ты будешь учиться с таким упорством.

— Мне стыдно хлопать глазами на семинарах, — признавалась я, с трудом заталкивая в себя утренний бутерброд.

— А как же Аннушка?